Блудный папа для сорванца

Автор:
Яна Невинная

Блудный папа для сорванца

Яна Невинная

Он – бабник, меняющий женщин как перчатки, владелец ночных клубов и самый неподходящий для меня мужчина, а я – самая обычная женщина, каких тысячи, скрываю от него ребенка и от безысходности выскочила замуж за нелюбимого. Но когда наступает Новый год, начинаются чудеса. Муж сбегает с любовницей, отцу моего ребенка внезапно требуется наследник, а мне приходится отчаянно сопротивляться собственным чувствам.

Яна Невинная

Блудный папа для сорванца

Глава 1. Неожиданности

Лиза

Календарь красноречиво показывал, что через неделю Новый год, а праздничного настроения не наблюдалось. Как не было, так и нет.

Да и откуда ему взяться, если с раннего утра город засыпало пушистыми белыми хлопьями, а к вечеру всё растаяло, словно корова языком слизала? И так день за днем, зима никак не наступала.

Вздохнув, закрыла файл проекта стандартного мероприятия, моими усилиями превращенного за сегодняшний день в нечто более-менее презентабельное и оригинальное.

Пришлось задержаться на работе ради этого, за что получу отдельные бонусы от шефа ивент-агентства, в котором тружусь вот уже пять лет. Вызов в кабинет, льстивая похвала, ленивые комплименты, нелепые намеки на тайное свидание… Евгений Викторович считал, что облагодетельствовал меня повышением с секретаря до ивент-менеджера.

Больше зарплата, престиж, но и занятость выше крыши. А также гадкие сплетни коллег, что заработала повышение через постель… Брр!

Мне в голову, конечно, закрадывались мысли о легком адюльтере, но, во-первых, легкость – это не про меня, а во-вторых, седеющий пузан с намечающимся брюшком не является пределом моих мечтаний.

К тому же у меня уже есть обладатель жировой прослойки в районе пояса – собственный муж Костя, который и был основной причиной моего дурного настроения в последнее время.

Благоверный не раз заявлял, что я слишком скучная, пресная, что он совсем другого человека полюбил, встретив на фестивале исторической реконструкции в Выборгском. На импровизированный средневековый рыцарский турнир меня занесло совершенно случайно.

Одногруппницы по консерватории предложили поиграть на мероприятии на скрипке, а я как раз была ничем не занята. Инструмент лежал без дела, поскольку жизнь с музыкой я связывать не собиралась.

На учебе в музыкальной школе с самого детства настояла мама, восторгаясь соседской девочкой из богатой музыкальной семьи, и до сих пор гордилась, что единственная дочь способна исполнить полонез или вальс.

Я как раз задорно водила смычком по струнам, когда ко мне подъехал рыцарь на белом коне и предложил стать его дамой. Очарованная романтичным моментом, я приняла ухаживание вежливого и улыбчивого парня.

Он взял меня замуж в положении – я узнала о том, что беременна, незадолго до нашего знакомства. И думать не хотела, чтобы признаться настоящему отцу ребенка, что наша единственная ночь принесла неожиданные плоды. Слишком сильную обиду он нанес влюбленной в него дурочке, польстившейся на красивую внешность и с легкостью подарившей девственность…

Может, я и скучная, может, с мужем у нас больше нет точек соприкосновения, да и не любила я его никогда, замуж вышла из благодарности, от безысходности, но и он тоже изменился.

Из улыбчивого высокого парня превратился в вечно угрюмого здоровенного мужика, живущего своими реконструкциями. Объявил, что уезжает за границу праздновать Новый год со своей компанией. В огромном доме на живописном берегу реки.

А на вопрос, почему не возьмет с собой семью, ответил, что собираются без жен и детей и мне там будет скучно и неинтересно. С упреком таким сказал, чтобы еще раз уяснила, что его очень обижает мое нежелание разделить его дорогостоящее и затратное по времени увлечение.

А мне деньги зарабатывать надо, сына воспитывать, до которого Косте, судя по всему, дела нет.

– Девушка, купите елочку! Последняя осталась, – услышала я звонкий мужской голос, уже почти добравшись до дома.

Действительно, а не купить ли мне зеленую красавицу? Кирюшку от бабушки заберу, украсим ее, в доме будет витать свежий аромат хвои. Вдруг и настроение поднимется.

Махнула рукой и заплатила замерзшему продавцу нужную сумму. Поспешила к дому, волоча за собой перевязанную веревкой елку. Иголки на стволе немного кололись через перчатки, второй рукой я пыталась набрать номер мамы.

Уронила телефон на землю от шока, когда увидела, как из подъезда, заливисто хохоча, вывалились муж и какая-то фифа в белом полушубке. В руках дорожные сумки, на лицах – искреннее недоумение.

– Лизок, ты же у мамы вроде ночевать собралась, – ошалело забормотал муж, пряча за спину любовницу.

В том, что это была именно она, я ничуть не сомневалась. Более того, давно подозревала, что всё у нас не ладится не просто так.

– Как видишь, я дома. Неудобно получилось.

Прозвучало глупо, но, честно говоря, я не знала, как реагировать на пойманного на месте преступления мужа. Как вообще на такое реагируют? Есть ли установленные правила?

Стояла с елкой в руке, и вдруг на ресницы упала снежинка, потом еще одна. Мечтала о снеге – и вот он повалил с неба. А моя семейная жизнь закончилась.

– Я всё объясню, – продолжал уговаривать муж, торопливо сунув мне в руку поднятый с земли телефон.

– Нет, не надо, – помотала головой, не в силах на него смотреть, – бегите, а то опоздаете… Куда вы там спешите…

Больше ничего не намереваясь слушать, я бросилась домой, поставила на подставку елку и достала игрушки.

– Тай, кажется, я развожусь, – призналась лучшей подруге, стараясь не расплакаться, – приглашение на Новый год еще в силе?

Глава 2. Секрет

Лиза

– Конечно, Лиза! Я давно тебя приглашаю на семейные новогодние торжества, хоть с мужем, хоть вдвоем с сыном, а ты всегда отказываешься, – воодушевленно начала Тая, а потом случилась пауза. Видно, она осознала

последнюю мою фразу. – Как это разводишься? Кто же разводится под Новый год?

– Получается, что я. Костя вот мне такой сюрприз сделал, подарочек под елку. Хорошо хоть не на Восьмое марта надумал меня бросать, – за шутками и веселым тоном я прятала грусть и разочарование, меланхолично развешивая на колючих ветках цветастые шарики.

Вот этого зубастого Щелкунчика мы покупали вместе с мужем в прошлом году, а этих Снегурочку с Дедом Морозом, которых я поставила под елку, подарили родители Кости. Интересно, они знают о новой пассии своего сына?

– А что случилось, Лиз? Если ты, конечно, сейчас готова об этом говорить, – осторожно спросила подруга.

Эх, начнется теперь – будут все со мной как с хрустальной вазой носиться. А мне, наоборот, хочется сделать вид, что не встретила мужа с любовницей, а он один на фестиваль уехал, как и планировал.

– Ничего страшного, к этому всё и шло… – протянула я тихо себе под нос, впадая в ступор.

– Как это ничего страшного? Ты дома? Собирайтесь с Кирюшкой и дуйте к нам.

Уговаривать меня долго не пришлось, самой не хотелось в опостылевшей квартире оставаться. Муж нас с сыном здесь так и не прописал, объясняя это тем, что доли распределены между ним и его братом с сестрой. В двушке особенно нечего было делить, я ни на что и не претендовала. Уедем куда-нибудь на съемную, на праздниках у Суворовых погостим, а на новогодних каникулах – у матери с отцом.

***

– Давайте-давайте, проходите, раздевайтесь с мороза. Как долго добирались, – тараторила Тая, с улыбкой встречая нас в холле своего светлого просторного дома, чье напольное покрытие так любили полировать ногами наши с ней дети.

Кирилл, буркнув приветствие и скинув с себя куртку, шапку и ботинки, бросился к прыгающей от радости Сонечке и начал скользить по гладкому полу, как по льду.

– Все дороги замело, еле доехали, – объясняла я, раздеваясь и собирая раскиданные сыном вещи. Никак к порядку не приучить.

Сорванец. С умилением понаблюдав за возней детей, отправили Кирюшку мыть руки, а потом ребятня унеслась в комнату к Соне играть. Дети дружили практически с самого рождения, и Кирюша всегда с нетерпением ждал новогодние каникулы, чтобы погостить у Суворовых, но Новый год мы неизменно отмечали дома. Скучно, однообразно, но зато своей семьей.

Узнав, что на этот раз мы отметим любимый детский праздник, помимо дня рождения, в гостях, сынок ликовал.

Но существовала одна проблема, которую мне хотелось обсудить с подругой. Мы устроились в уютной светлой кухне в стиле итальянского прованса, и Тая начала меня потчевать. Невозможно было представить, но когда-то она не умела варить даже овсяную кашу, сейчас же готовила самые разнообразные блюда, чтобы порадовать любимого мужа.

С удовольствием жуя пасту с креветками в сливочном соусе, я открыла ей душу, и Тая, сочувственно покачав головой, излила на моего мужа праведный гнев и принялась за свою порцию.

Я украдкой наблюдала, как она аккуратно и изысканно ест, и в очередной раз ощущала свою простоту на фоне изящной красавицы Таисии. Большие карие глаза, пышные волосы, губы бантиком и стройная фигура – мужчины сходили по ней с ума, один известный итальянский модельер даже предлагал ей стать моделью и называл своей вечной музой. А она беззаветно любила мужа и никого вокруг не видела.

Мне же оставалось только завидовать белой завистью, ведь моя страстная любовь почти восемь лет назад закончилась весьма печально.

– Очень вкусно, спасибо. Кирюша пока не голодный, но креветки точно не будет. Не любит их. Есть что-то другое? – поинтересовалась я, чувствуя неловкость от

своей наглости в выборе блюд.

Тая замерла, пристально глядя мне прямо в глаза.

– Гриша тоже терпеть не может креветки. Удивительно, как гены работают…

– Тай, пожалуйста, не нужно, – с мольбой в голосе прервала я неприятную тему.

– Извини. Но ты знаешь, как я отношусь к этому вопросу. Столько лет скрывать от отца ребенка – неправильно. Теперь, когда ты разводишься, возможно, пора бы…

– Нет! Зачем? – Я испугалась, что она возьмет дело в свои руки и расскажет Черкасову об отцовстве, и вцепилась пальцами в край стола.

– Потому что это необходимо сделать, Лиза, – настаивала подруга, строго всматриваясь мне в лицо.

– Мы так долго храним этот секрет, что не представляю, как отреагирует Гриша, Максим.

– Ты никогда не говорила мужу? – искренне удивилась я, чувствуя невообразимую вину за то, что втянула подругу в свой многолетний обман.

– Нет. Это твоя тайна. И хоть я считаю, что это неправильно, решила не посвящать Максима, иначе бы он обязательно рассказал другу. А если бы хранил секрет по моей просьбе, было бы еще хуже.

– Мне жутко неудобно, что по моей вине тебе приходится иметь тайну от мужа, – закрыла я лицо руками, не зная, как справиться с эмоциями. Они кипели и бурлили внутри, не давая мыслить разумно.

– Лиз, не думай обо мне. Думай о себе. Гриша приедет на праздник на дачу. Правда… – она отвернулась, пряча от меня глаза. – Со своей девушкой.

Глава 3. «Сюрприз» от сбежавшего мужа

Лиза

– Ты, наверное, думала, что Гриша не приедет на Новый год? – посмотрела она на меня с виноватым видом и начала расторопно убирать грязную посуду со стола, а потом сделала нам по чашке латте.

Обожаю! От одного аромата приятное головокружение накатывает. Настоящая большая кофемашина с функцией латте – я о такой только мечтала, покупая порой в кофейне напротив офиса любимый напиток и наслаждаясь его вкусом.

Но такой дорогой аппарат я не могла себе позволить, деньги откладывала на новогодний подарок сыну – большой набор «Лего» и планшет, который он давно выпрашивал, а также копила на операцию на коленном суставе для отца.

Он был записан на плановую операцию через полгода, но я хотела ускорить процесс, чтобы папа не мучился от болей и мог нормально ходить.

Теперь придется потратиться на аренду жилья, но об этом я старалась не думать, в данный момент меня одолевали совсем другие мысли.

– Я предполагала, что он отмечает в одном из своих ночных клубов, с размахом, это же его обычное времяпровождение, – пожала плечами и с надеждой посмотрела на Таю, пригубив латте и стараясь, чтобы моя фраза звучала равнодушно.

Вдруг я что-то не так поняла. Пусть она скажет, что Черкасов не почтит своим присутствием семейный праздник, притащив с собой очередную королеву красоты, которые перед ним падают в штабеля укладываются. Пожалуйста-пожалуйста. Неужели не будет за сегодня ни одной хорошей новости?

– Обычно так и происходило, но в этом году он внезапно решил отмечать Новый год вместе с нами. Лиз, извини, я как-то не подумала… Что это будет для тебя неудобно. Прости… С этой организацией Нового года совсем замоталась, приедет двадцать человек гостей: родители, Саранские, Гриша с девушкой, брат Максима с женой и детьми и еще парочка семей.

– Тогда мы поедем к маме. Так будет лучше для всех, – со вздохом решила я, чувствуя в груди тяжесть. Честно говоря, я уже настроилась, что отвлекусь от проблем с мужем и грядущих грандиозных перемен из-за развода, уеду на природу вместе с Кирюшкой, буду наслаждаться общением с друзьями…

Но видеть призраков из прошлого я совсем не желала, не вынесу, не смогу. Исключено.

– Для кого лучше? – Тая покачала головой, сложив руки на груди, и нахмурилась. – Маме же ты ничего про Константина не сказала? Если к ней поедешь, придется выслушивать все праздничные дни, какой ты неправильный выбор сделала.

На правдивые слова подруги я лишь досадливо скрипнула зубами, в душе признавая ее правоту, в то же время злясь на себя и ситуацию, в которой оказалась по воле судьбы. Ну почему я не спуталась в тот злополучный вечер с каким-нибудь незнакомцем? Надо же мне было запасть на знатного ловеласа, который ничего не обещал, а я всё равно перлась вперед с упорством асфальтоукладчика, пока не добилась желаемого… На свою голову.

– Но главное не в этом, а в том, что Кирюшка уже настроился на праздник. Как хочешь, но я вас не отпущу! – совершенно серьезно продолжила разговор Тая, вызвав у меня улыбку.

Если я на самом деле решу уехать, никто нас с сыном силой удерживать не будет. Проблема в том, что я действительно хотела остаться и поехать шумной дружной компанией к Суворовым на дачу.

Прибежали дети, так вовремя прервав наш разговор и позволив мне погрузиться в суету. Вскоре приехал и муж Таисии, красивый высокий брюнет с голубыми глазами. По странной прихоти судьбы Максим Суворов официально был Тае не только мужем, но и сводным братом.

Мать Таи вышла замуж за отца Максима, а задолго до этого встречалась с ним. Николай Дмитриевич жил на две семьи. Когда открылась тайна, произошло недоразумение. У отца Максима случился инфаркт, и его в больницу сопровождала Тая, которую бывшая жена и сын больного приняли за его

молодую любовницу. Максим задался целью отомстить коварной разрушительнице семьи, да и сам не заметил, как влюбился.

Я завидовала их романтичной и страстной истории любви, не лишенной, однако, и темных пятен. Вообще, я в какой-то момент стала замечать за собой неприятное и гадкое чувство зависти.

Боролась с ним и пыталась понять, откуда у него корни, как избавиться от постыдного чувства зависти. Ведь губило оно в первую очередь саму меня. Завидовала музыкальному таланту Таи – она жила скрипкой, а я на ее фоне была всего лишь ученицей консерватории, насильно запихнутой родителями учиться. Ради престижа и глупого желания матери гордиться дочкой.

Завидовала богатству, огромному дому и куче одежды. Тому, что Тае не приходится пахать на работе, что она может заниматься любым делом по своему желанию.

Крайне обижалась, когда в начале нашего знакомства Таисия старалась помогать мне одеждой, деньгами, воспринимала ее подарки как подачку. Мы даже ругались по этому поводу, и она со временем перестала пытаться.

Но дело в том, что я понимала: я сама виновата в причинах этой зависти. Лишила собственного ребенка отца и вместе с тем всех его финансов. Обрекла сына на бедное, посредственное детство, очень надеясь, что он не заразится от меня ядом зависти и не будет сравнивать свой мир и мир подруги – Таиной дочки. Кирюшка был светлым милым мальчиком, но отчуждение отца сильно давило на него, порой он становился агрессивным или уходил в себя.

Сегодняшним вечером он только смеялся, что убедило меня в правильности решения остаться.

Укладываясь спать, я не надеялась уснуть, думала, буду плакать по бросившему меня мужу. Но слезы не шли, во мне кипела злоба, которую некуда было выплеснуть.

С утра мы поехали в спа-салон и по магазинам, а дети остались с Максимом, взяв несчастного мужчину в плен. Мы очень любим своих детей, но проводить с ними целые дни, развлекая, кормя и следя, чтобы они не стали пациентами

травмпункта, порой непросто.

Конечно же, Таисии пришлось уговаривать меня, чтобы я посетила спа-центр, она пыталась под видом подарка на Новый год вручить мне абонемент на серию сеансов, но и тут я была непреклонна, чувствуя себя крестьянкой, которой хозяйка подает с барского плеча.

– Когда-нибудь твоя чрезмерная гордость тебе сильно навредит, – пожурила меня Тая то ли в шутку, то ли всерьез, когда мы, все распаренные и после массажа и косметических процедур, вышли оплачивать дорогое удовольствие.

Пришлось достать заветную карту. С накоплениями я уже мысленно распрощалась, решив, что на операцию и подарки возьму кредит.

Опозориться перед подругой я не могла.

– На карте недостаточно средств, – будничным тоном оповестила милая девушка-администратор.

– Проведите еще раз, – настаивала я, недоуменно хмурясь.

– Девушка, смотрите сами.

Она протянула мне карту, а Тая, забеспокоившись вместе со мной, посоветовала позвонить в банк, удивляясь, что я не установила уведомления, я же не хотела за них платить, потому что снимать деньги намеревалась один-два раза.

– Деньги с карты сняты вчера, в пятнадцать двадцать пять, – сообщила бодрым голосом девушка по телефону. – Желаете что-то еще?

В ушах зазвенело, как будто мне на голову упала железобетонная плита. Пока я трудилась в поте лица, мой благоверный паковал чемоданы, снимал деньги с карты! Мои деньги! И смеялся над дурочкой женой. Украл всё подчистую!

Глава 4. Строгий папа

Гриша

– На этой стене неплохо смотрелся бы дартс. Как думаешь, Антон Семёнович? – лениво обратился я к отцу, раскачиваясь на удобном стуле в конференц-зале. – Хорошо бы встал на деревянном панно между этими двумя абстрактными мазюльками.

Смял небольшой лист из блокнота, смастерил из него плотный комочек, как делал в школе на скучных уроках, и пульнул его в деревянное панно. Попал в самый центр. Практически в десятку.

– Я себе сейчас покажу дартс, Гришка! – возмутился отец, пылая праведным гневом, и подскочил с кресла, заботливо поправляя скособочившуюся деревяшку и глядя на меня с укором. – И это не панно! Это композиция из трех картин, мне ее один важный клиент подарил, между прочим. На юбилей.

– По мне, так какие-то пятна цвета детской неожиданности, – прищурившись, я пытался понять, что изображено на «шедевральном» объекте изобразительного искусства.

– Чудак человек! Это же наши нефтяные вышки. Ты бы их узнал, если бы воочию увидел. И ноги убери со стола, – продолжал бушевать отец, хмуря брови. – Ишь развалился тут, хозяин мира. Настройся хоть раз в жизни на серьезный лад.

– Я совершенно серьезен, – протянул я насмешливо, даже и не думая исполнять командирский приказ. В такой позе было гораздо удобнее ожидать сестру. Да и нравилось дразнить отца, как будто злого кота за усы дергаешь. Прошли те времена, когда меня задевали его придирки и в целом пренебрежительное отношение к моему образу жизни.

– Вижу я, как ты серьезен, – отец смерил меня взглядом из-под густых бровей и уселся в кресло во главе стола. Сложил крупные руки перед собой, нервно побарабанил ладонями по деревянной поверхности, посмотрел на наручные часы. – Торопишься куда-то? Не можешь семье пару часов уделить?

– Могу, конечно, я же здесь, – очень убедительно ответил я отцу, скатывая новый бумажный шарик. – Как видишь, даже не опоздал, в отличие от Юли. Где она там? – поинтересовался я насчет старшей сестры, с усилием сдерживая зевоту.

Отец прекрасно знает, что работа у меня преимущественно ночная, днем я отсыпаюсь, однако назначил встречу на девять утра. Назло «любимому» сыночку.

– Юлия у нас занятой человек, на переговорах с японцами застряла. Ничего, подождем.

Это уже начинало подбешивать. А я, значит, человек не занятой? Бездельник то есть. Со вздохом покрутил самодельный шарик в руках, вспоминая, как ради этой чертовой встречи с трудом продрал глаза, чуть не раздолбал телефон, лишился завтрака и уехал от сонной красотки в постели.

Если не дождется моего возвращения, не расстроюсь. Виталина стала в последнее время доставать: все эти намеки на место в шкафу и вторую зубную щетку в ванной… С ней я был к этому не готов. Даже не задумывался о том, чтобы с кем-то съехаться. Меня всё устраивало. И где я работал, и как жил.

– Может, раз она опаздывает, начнем пока без нее? – предложил я отцу, и в этот момент Юля летящей походкой ворвалась в конференц-зал, вся такая деловая и строгая в белом брючном костюме.

– Извините за опоздание, переводчик сегодня отвратительно работал, встреча затянулась, – запыхавшись, объясняла она, плюхаясь в кресло. – Привет, Гриш, привет, пап. По какому случаю семейное сборище? Всё в порядке?

– Подожди, Юль, сначала про японцев расскажи, – степенно проговорил отец, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на груди. – Что решили?

– Но Гриша же не в курсе дела, ему это неинтересно, а мы можем потом обсудить, у нас целый день впереди.

– Пусть в дела компании вникает, с сегодняшнего дня во всем разбирается.

Я даже сел прямо, от удивления спустив ноги на пол, и склонился к отцу.

– О чем речь, Антон Семёнович? Давай без намеков. Говори как есть. Что ты задумал?

– А надоело мне, – фыркнул отец несколько капризно, – внуков я хочу нянчить. От вас, мои дорогие дети, не дождешься! Одна вся в работе, карьеристка, второй развлекается себе на радость. И оба чайлдфри! Мне уже перед друзьями стыдно. Вы вообще собираетесь род Черкасовых продолжать?

– Опустим тот факт, что мои, как ты говоришь, развлечения меня прекрасно обеспечивают, я пропущу это мимо ушей, папа, – начал я, поглядывая на испуганную, побледневшую Юлю. Теперь ее длинное благородное лицо сливалось со светлыми волосами длиной до плеч. – Ты извини, конечно, эти дела так просто, по щелчку пальцев, не делаются.

– Расскажи мне еще, расскажи, откуда дети берутся! – завелся отец не на шутку. – Ладно женщины, им готовиться к беременности нужно, а тебе-то, Гриш? Только не ври, что желающих нет твою фамилию взять и парочку спиногрызов родить?

– Папа, с чего вдруг всё это? – вступила в разговор Юля, переводя внимание на себя. – Ты болен?

– Я? Да я здоров как бык, хочу с внуками возиться, на рыбалку с ними ходить, на лодке катать. Я, что ли, зря строил домину возле речки? Чистый воздух, природа, лес рядом. И тысяча квадратных метров на двух этажах. Для кого? Я вас спрашиваю, для кого? Для нас с Леной? Мы там от скуки уже звереем.

– Бери калькулятор, Антон Семёнович. Даже если прямо сейчас поеду и кого-то осчастливлю, вам с мамой еще долго придется ждать, пока дети вырастут.

– Поговори мне тут! – пресек мою шутку отец. – Калькулятор! Я серьезно, дети. Григорий, Юлия, – изрек он официально, встав прямо и отряхнув костюм, будто к встрече с президентом готовился. – Если вы за ближайшие полгода не озаботитесь потомством, я тебя, моя дорогая, с поста генерального директора с позором уволю, а тебя, мой дорогой сын, лишу всех твоих акций и квартиру заберу, которую на восемнадцатилетие подарили. Ничего вам не оставлю,

только ваши дети наследниками будут.

– Это всё? – я поднялся с места, не намереваясь больше выслушивать нелепые угрозы.

Давно уже жил в другой квартире, купленной на собственные деньги, в гараже стояли три дорогие тачки, в дотациях от отца не нуждался и его ни о чем не просил. Но он упорно продолжал считать меня избалованным мажором, безголовым дурнем, который проматывает его кровно заработанные деньги и играет на его нервах. Пусть сходит с ума в одиночестве! Я пас!

– Гришка! А ну-ка, вернись! – скомандовал отец, будто подзывал какую-то собаку. И если в детстве это всегда прокатывало, то сейчас я с радостью и без каких-либо угрызений совести хлопнул дверью. Вдогонку мне слышался глухой голос:

– Гришка! По сусекам поскреби – ты явно уже пару детей наклепал! Только найти надо!

Юля тут же выбежала следом за мной, заметалась с видом человека, который вот-вот свалится в обморок.

– Гриш, ты чего так с ним грубо разговаривал? Надо было выслушать, убедить, пойти на компромисс. Для родителей это очень важно, они сильно переживают за нас, давно просили по-хорошему внуков, мы сами папу вынудили к требованиям. Не хочу, чтобы вы ругались.

– А я ни с кем не ругался, просто четко выразил свою позицию. Я сам решу, когда мне отцом становиться. И его угрозы меня не пугают. И ты не позволяй собой командовать. Он ни за что не уволит такого специалиста, как ты, иначе будет идиотом.

Юля обхватила голову и нервно расхаживала по приемной, а секретарша отца Ирэн, длинноногая брюнетка в коротком бежевом платье, с интересом поглядывала на нас, делая вид, что работает, и увлеченно клацая по клавиатуре. В действительности же грела уши.

– Я только что рассталась с Роговым, – доверительно жаловалась сестра, – как раз по той причине, что он хотел детей, но я не готова… Мне всего лишь двадцать восемь, я столько добилась, у меня еще есть несколько лет, а ты так вообще до старости можешь стать родителем. Если я уйду в декрет, сразу же сойду с дистанции, тут же подберут замену… – чуть ли не плакала Юля.

– Может быть, вам кофе сделать? – залебезила Ирэн, всем видом показывая мне, что она готова не только сварить кофе, но и стать той самой родительницей главного наследника. Упаси боже связаться с секретаршей отца!

– Да, будьте любезны, Ирэн, – дрожащим голосом попросила Юля.

Мы прошли в ее кабинет и наглухо закрыли двери. Вдоволь нажаловались друг другу на отца и разошлись, тепло попрощавшись. Она осталась руководить нефтяной компанией, которая меня нисколько как поле деятельности не интересовала. А я поехал в любимый клуб, туда как раз должны были прибыть новые девочки-танцовщицы.

Поздоровался с Сусанной, железной леди «Адреналина», которая встретила меня с томной улыбкой и привычно коснулась щекой моей. Наши отношения с управляющей никогда не выходили за рамки, хотя я не раз мысленно восхищался тем, как она в возрасте больше сорока хорошо выглядит.

Чем-то похожа на Монику Белуччи, с грациозной медлительностью и пышными формами, всегда упакованными в дорогие шмотки, она была той, кому я беззаветно доверял свое детище, которое семь лет назад бросили на произвол судьбы мои партнеры.

С Максом Суворовым и Женькой Саранским мы успешно управляли несколькими клубами, но потом они полностью поменяли вектора и стали до скрежета зубов правильными и семейными. У меня же было всё по-прежнему. К счастью, наша дружба никак не пострадала.

– Как дела, Сусанна? Покажешь мне девочек? Дай что-то выпить горячего, лучше всего чаю, на улице мороз крепчает, – попросил я, устраиваясь на удобном диване с видом на сцену.

На круглый пятачок с шестом посередине вышла первая претендентка на роль танцовщицы, и тут я оторопел.

– У нас что, новая мода? – воззрился я на девушку кровь с молоком, а потом на шеренгу примерно таких же, стоящих рядом со сценой.

Красотки жались к другу и призывно мне улыбались. Что за представление? Почему они все такие… нет, не толстые, но в теле, что для танцовщиц очень нехарактерно.

– Сусанночка, что происходит? – поинтересовался я обманчиво мягким тоном с начальственными нотками.

– Гриша, мне Ирэн звонила, – не стала юлить моя управляющая, махнув рукой на доярок. – Рассказала о твоей проблеме, мы посовещались и решили, что должны тебя выручать. Вот самые лучшие представительницы женского пола – молодые, крепкие, здоровые! Хоть сейчас готовы приступить к производству наследника!

Глава 5. Все хотят родить наследника

Гриша

– Сусанна, ты можешь мне объяснить, что это за балаган?

Смотрел и не верил своим глазам. Боялся предположить, что происходит. Даже списал поначалу всё на галлюцинации. Мало ли что случается от недосыпа. Сколько я там спал этой ночью? Часа два-три, не больше.

Двух чашек крепкого кофе оказалось недостаточно, чтобы проснуться.

– Пойдем-ка на бар, приготовишь мне кофе, – резво подхватил упирающуюся женщину под локоток и притащил к стойке бара, кивнув на кофемашину.

– Ты знаешь, какой я люблю.

– И чего ты злишься, Гриша? – обиделась Сусанна, надув губы и сморщив тонкий, вылепленный хирургом носик. – Я как лучше хотела, для тебя старалась. Мы же не чужие друг другу.

– Расходимся, девочки, расходимся, – тем временем похлопал я в ладоши, привлекая внимание гурьбы растерянных красавиц. – Кастинг отменяется.

– Переносится? Отложили?

– Отменяется! – рявкнул так, что стены задрожали.

– Теперь я понимаю, почему ты не женат, – манерно улыбаясь, заявила Сусанна, ставя передо мной дымящийся кофе на стильной черной салфетке с логотипом клуба – буквой «А» в круге, который пересекал разряд электричества. – Так грубо девушек прогнал. Это может нанести вред репутации клуба.

– А ты мне предлагаешь устроить смотрины? Я собирался смотреть танцевальные номера, оценивать искусство танцовщиц, а как я, по-твоему, должен выбирать мать ребенка? Вызывать девушек на сцене по одной и предлагать зачитывать результаты анализов? В чью светлую голову пришла такая «гениальная» идея?

Видя, что Сусанна насупленно молчит, уделяя внимание протиранию несуществующей пыли на стойке бара, я внаглую схватил ее телефон и быстро разблокировал его, приложив тонкий пальчик к сенсору отпечатков. Не ожидая такой подставы, Сусанна даже опомниться не успела.

– Черкасов! Это произвол! Это несанкционированный взлом! – завопила она, отдернув руку, но я, воспользовавшись преградой в виде стойки бара, отошел на расстояние и прошерстил ее контакты.

В последних звонках, значилась, как я и предполагал, Ирэн. Сплетница чертова.

– Гриша, отдай телефон! – продолжала ругаться Сусанна, выбежав ко мне и протягивая руки.

– Да пожалуйста. Я уже увидел, что надо. И что тебе сказала твоя подружка? Впрочем, я знаю. Можешь не рассказывать. Слила инфу про угрозы отца лишить меня наследства, если не обеспечу наследника. Только я ума не приложу, как ты так быстро собрала кучу страждущих забеременеть?

– Гриша, мы хотели как лучше! – пафосно воскликнула Сусанна, даже не думая отрицать свою причастность к сегодняшнему дурдому и шашни с Ирэн за моей спиной.

– А получилось как всегда… – пробормотал я, чувствуя подступающую головную боль, и донес драгоценную чашку до столика, поставил ее на него и упал рядом на диван, растекшись по нему в форме медузы.

Мне на плечо мягко легла женская рука, и я приоткрыл глаз. Один. Глядя на безмолвно умоляющую меня о прощении Сусанну. Губки бантиком, бровки домиком. Почему многие женщины в возрасте так любят строить из себя маленьких девочек? Выглядит смешно.

– Гриша, миленький, подумай хорошо, разве не пора тебе обзавестись детьми? Все твои друзья давно глубоко женаты и по уши в детишках, а ты как будто даже и не думаешь о подобном. Тебе уже двадцать девять, не пора ли?

– Мам, спасибо за заботу, я сам разберусь.

– Не поняла, – захлопала густыми черными ресницами Сусанна, убирая руку с моего плеча, а когда дошло, вздохнула. – Ну пусть я забочусь о тебе как мама. Что поделать? Слушай, Гри-и-ш… – понизила она голос и выпучила глаза, приложив руку к груди. – А ты… А ты, может, неспособен… Ну… Ты к врачу ходил? Ты точно способен стать отцом? Мы тут так наседаем, а может, у тебя проблема, а никто и не знает… Слуша-а-ай, если что, у меня есть замечательный врач, он мне самой помог родить дочку в свое время…

– Сусанночка, стоп, стоп! Полегче. Что началось? – Я даже сел, превращая свою бесформенность в нечто более цельное. – Я тебя очень люблю и всё такое, ты лучшее приобретение клуба за долгие годы его существования, я не знаю, что бы я без тебя делал, и я даже именно поэтому не буду держать на тебя зла и не уволю за срыв кастинга, но ты, очень прошу, не лезь так глубоко в мою жизнь.

– Гриш, я… – начала Сусанна и осеклась, потому что боковым зрением мы оба заметили высокую стройную блондинку модельной внешности, держащую на руках сверток. С младенцем. Я сглотнул, поморгал, решил, что сплю, и посмотрел на Сусанну.

– Ты тоже это видишь? – задал наиглупейший вопрос, достойный героя тупой американской комедии.

Вот только я был не в кино, а смотрел в лицо красивой незнакомки, которая вышла вперед и заявила:

– Гриша, привет. Помнишь меня? Я Стелла, а это наш сын.

Глава 6. Ревность и доверие

Гриша

А это что за чудо расчудесное? Мозг уже устал удивляться, и ему на помощь пришло чувство юмора, которое не раз меня спасало в сложных ситуациях.

– Девушка, если вы ищете Григория Черкасова, то я – не он. Это мой брат-близнец. Он уехал в Африку, и его укусила муха цеце. Дальше всё грустно, – принял скорбный вид, стараясь держаться и не ржать в голос. – Но вы не переживайте. Если надо, мы тело эксгумируем и ДНК-анализ проведем.

Перепуганная блондинка побелела и прижала к себе ребенка, будто я его у нее забрать на опыты хочу. Кинула беспомощный взгляд на Сусанну, но та тоже таращилась на меня как на психа.

– В общем, так, – вмиг сменил я тон, сложив руки на груди, – я вас знать не знаю, ребенок не мой. Если докажете обратное – тогда и поговорим.

– Гриша, ты меня разве не помнишь? – плаксиво спросила девушка, баюкая просыпающегося малыша. Смотрела так жалостливо, будто я у нее последний кусок хлеба во время блокады забрал. Почувствовал себя на секунду негодяем,

но тут же отогнал эти неправильные мысли.

Кто бы что про меня ни думал, какие бы легенды ни ходили, я давно уже забросил привычку просыпаться в чужих постелях и не помнить, как там оказался.

Был один раз, когда со мной случилась такая незадача, до сих пор где-то в самом потаенном уголке души живет и досаждает неприятное чувство, словно что-то сделал неправильно, не то сказал, обидел девчонку.

Сама на мне повисла на благотворительном вечере, куда пришел поддержать Суворова и его будущую жену Таю.

Ее подруга – довольно-таки симпатичная простушка – смотрела щенячьими влюбленными глазами. Тогда я еще вел разгульный образ жизни, щедро разбавлял бренность бытия алкоголем. Тот вечер не стал исключением.

Перебрал. События стерлись из памяти. Приходил на мероприятие в компании двух очаровательных близняшек, а очнулся в обнимку с растрепанной спящей девчонкой. Порванное платье валялось на полу.

Никогда не любил разборки, поэтому потихоньку выпутался из объятий, оделся, положил на тумбочку несколько купюр и записку, мол, это компенсация за испорченную шмотку.

С тех пор мы не общались, Лизок смотрела на меня волком, избегала, уверен в этом. На общих сборищах никогда не пересекались, хоть с Таей Суворовой они и подруги. Замуж выскочила за какого-то увальня, ребенка родила.

С чего я вдруг Лизу вспомнил, не знаю. Возможно, потому, что то утро стало отправной точкой для нового начала, когда я понял, что больше не хочу просыпаться в незнакомых постелях, а потом много лет натыкаться на укоряющий взгляд, не вкуривая, в чем моя вина.

А стоящая напротив блонда невольно напомнила мне о собственном прошлом.

О том человеке, каким я действительно был и каким продолжал меня видеть отец.

Для нее прошла пара секунд, перед моими же глазами пронеслись годы. Но девушка всё еще ждала ответа.

– Нет, не помню и не должен. Про ДНК-тест я сказал, Сусанна вас проводит, – махнул я головой в сторону выхода и тут же выругался.

Оттуда фланирующей подиумной походкой ко мне направлялась моя девушка Виталина. Чем меня устраивала моя пассия, так это своей полной независимостью. На восемнадцатилетие папа подарил ей бизнес – салон красоты, и в свои двадцать пять Виталина Зверева была богата, успешна и достаточно умна, чтобы извлечь из подарка отца не кучу проблем, а только уважаемое имя и приличные доходы.

Знаменитости и инста-дивы готовы были целовать ей руки, подруги боялись слово против сказать, лишь бы не потерять блат в салоне красоты, даже Сусанна лебезила перед Витой, которая сочетала в себе лоск, уверенность и властность.

Она зашла в клуб с видом королевы, небрежно взмахнув платиновой гривой. Приветственно кивнула Сусанне и оторопело уставилась на нас с новоявленной мамашей.

– Гриша? Кто это? – недоуменно приподняв идеальные брови, задала она вопрос, даже не думая стесняться незнакомку.

– Никто, девушка уже уходит, ошиблась адресом, – с намеком посмотрев на блондинку Стеллу, ответил я.

Но провести Виталину оказалось не так-то просто, у всех девушек есть какой-то особый внутренний локатор, четко улавливающий опасность в виде соперницы. Впрочем, у мужчин тоже что-то подобное есть, чувство собственника называется. Я с ним пока не сталкивался, но много наслышан.

– Меня зовут Стелла и я мать Гришиного ребенка, – не унималась блонда.

– Гриша, это правда? – потребовала объяснений Виталина, пронзая меня колючим подозрительным взглядом. Накрашенные алой помадой губы сжались в тонкую полоску, она пыхтела от злости, как паровоз, а Стелла нервно тряслась, и только Сусанна была островком благоразумия, кинувшись варить кофе.

– До того как ты пришла, мы договорились о тесте ДНК, но я тебя уверяю, что он не покажет моего отцовства, – стараясь сохранить спокойствие, убеждал я Виту.

– Сколько ребенку? Почему ты так уверен, Гриша? – наседала Виталина.

– Ему год, – пискнула Стелла, подходя ближе к стойке бара и что-то бормоча ребенку.

– Год… Год… Что у нас было год и девять месяцев назад? – попыталась вспомнить Виталина и, достав из своей маленькой брендовой сумочки телефон, начала что-то в нем листать.

Она серьезно ищет дату? Возможную дату зачатия этого незнакомого, абсолютно чужого ребенка? Прямо при мне, не стесняясь, не принимая мои объяснения за единственно верную правду? Скрипнул зубами и проговорил, создавая прочный зрительный контакт:

– Если ты сейчас же не уберешь телефон, можешь считать наши отношения законченными.

Вита замерла и захлопала длинными ресницами. Красивый рот глупо приоткрылся. Она явно пыталась уловить смысл слов, но очевидно, что у нее не выходило.

– Гриша… Ты меня, наверное, не так понял. Я хотела… Хотела найти для девушки доказательства, что мы были вместе в ту ночь, когда произошло предположительное зачатие. А ты что подумал?

Выкрутилась. Умная, зараза. Быстро нашлась, как выбраться сухой из воды. Я по глазам видел, что она хоть и убрала телефон, но всё же мысленно пыталась подсчитать, когда же я мог изменить ей со Стеллой.

Ее взгляд продолжал блуждать, когда я все-таки выпроводил мать с хныкающим младенцем наружу, вызвав ей такси и пообещав, что, как только буду нужен для теста, она может мне позвонить.

Платить за тест я не собирался, потому что был твердо уверен, что в глаза не видел эту девушку.

Проводив Стеллу, вернулся к дивану, где с усталым видом восседала Виталина, ее изящная поза полубоком вдохновила бы любого фотографа на фотосессию для модного журнала. Длинные стройные ноги с тонкими лодыжками в плотных светлых колготках и замшевых сапогах. Белое облегающее вязаное платье с треугольным вырезом. Лоснящиеся волосы, идеальный макияж, маникюр. Картинка, а не женщина.

Может быть, мать моего будущего ребенка?.. Почему бы и нет? Искать другую я не хочу. Виталина подходит по всем параметрам. Умна, красива, независима. Отличный генофонд. И возраст подходящий для создания семьи и рождения потомства. Как у нее, так и у меня. Она не раз намекала, что готова к переменам в жизни.

Любви я не ищу, вообще не уверен, что она существует, но брак, основанный на общих интересах и уважении я готов заключить.

К черту отца и его глупые требования о наследстве. Он здесь совсем ни при чем. Он просто подтолкнул меня к мысли, которая давно зрела внутри, когда я смотрел на счастливые семьи своих друзей. К тридцати годам я хочу семью и ребенка.

Глава 7. Нежданные гости

Лиза

– Ты точно уверена, что не хочешь поехать с нами?

Максим уже завел мотор машины для прогрева, а Таисия всё пыталась уговорить меня отправиться на загородную дачу, чтобы вместе ожидать наступления Нового года, но после случившегося с банковской карточкой я была не в состоянии ни с кем общаться.

– Нет, Тай, мне нужно немного побыть одной, вернее с Кирюшкой, я очень благодарна, что ты разрешила нам пожить в вашем доме, – с теплотой проговорила я, обнимая за плечи сынишку, который стоял впереди и крутился, как уж на сковородке. Сначала он разобиделся, что мы не поедем вместе со всеми на дачу заранее, а потом они с Соней затеяли какую-то тайную игру.

Ведь это очень интересно в детском возрасте, когда ты оказываешься в чужом доме без хозяина. Настоящее приключение. Воодушевленный сынишка не мог дождаться, пока уедут хозяева, чем ужасно меня смущал. Надо будет ему сделать внушение.

– Тогда за вами приедет водитель в канун Нового года, часам к десяти утра. Устроит?

Согласно кивнув, я проводила Таю, которую уже заждались родные, и со вздохом закрыла дверь. В моих планах значились собственноручно испеченная пицца и просмотр обязательных новогодних фильмов с сыном в обнимку.

На огромном мягком диване напротив внушительной плазмы на стене. Я не хотела никого видеть и слышать. До тридцать первого декабря нужно было как-то пережить личные несчастья, чтобы на праздник явиться веселой и энергичной.

Я не хотела никого смущать своим кислым видом, поэтому и позволила себе согласиться на щедрое предложение Таи.

В другое время я, конечно же, не осталась бы в чужом доме, не согласилась бы воспользоваться гостеприимством людей, не являющихся мне родственниками, но беда с картой меня подкосила.

Возможно, даже больше, чем надвигающийся развод. Он-то как раз был предсказуем. Не могла оставаться в квартире, откуда нас скоро попросят съехать, и тем более идти к матери, которая заклюет советами и упреками.

– Мам, – позвал меня сынишка, таща за руку на кухню, – пойдем печь жаба-пиццу. Я буду резать колбасу и помидоры.

На лице ребенка искрилась такая радость, что я невольно ею заразилась. Что бы ни происходило в жизни, я знала: дороже моего сына у меня нет никого. Теперь я мать-одиночка и должна в будущем заменить Кирюше обоих родителей. От тяжелого осознания постоянно до боли сжималось сердце.

Буквально на минуту отвернулась, чтобы помыть руки, а активный сынишка уже вытащил на стол необходимые продукты.

– Как ты так шустро нашел всё нужное? – удивилась я, потрепав сына по макушке и разглядывая ингредиенты на предмет недостающих.

– Легкотня, – пожал он плечами, забираясь на стул и становясь на нем на колени. – Я просто заранее их присмотрел. Мам, давай скорее, есть хочется. Гугли рецепт.

Усмехнувшись тому, что сын такая деловая колбаса и командир, достала телефон и открыла рецепт оригинальной пиццы в виде жабы. Выпечка была нашим с сыном хобби, мы частенько нв выходных любили творить магию из теста.

А что это, если не магия, когда из простых разрозненных продуктов получается вкусная выпечка самых разнообразных цветов и форм, наполняя дом уютом и неповторимыми ароматами? И пусть на кухне во время приготовления и после шаром покати, зато как это незатейливое занятие объединяет.

Тесто мы замесили в погружном миксере с большим венчиком, буквально за несколько минут. Я невольно вспомнила, как долго вымешивала его дома ручным – поломанным, старым, – и чуть не заплакала. Уж миксер-то я могла купить, не так и дорого он стоит, в конце-то концов! Но не купила. Экономила. На всем экономила.

Сынок с воодушевлением разбивал яйца, засыпал муку в специальное отверстие, нажимал кнопку на миксере, я даже не претендовала на эти занятия, любуясь сосредоточенным маленьким помощником.

Он так сильно увлекся, что не замечал, как я украдкой смахиваю слезы, а они всё не желали прекращаться.

Наконец жабообразная пицца была погружена в духовку и нам оставалось только ждать.

– Мам, я сфоткаю пиццу и пошлю папе в ватсап! – объявил ребенок, неся телефон и готовясь сделать фото закрытой духовки.

– Давай сначала приберемся, Кирюш, это же чужая кухня. Посмотри, какой беспорядок мы навели, – обратила я его внимание на стол и пол, густо усеянные обрезками и мукой.

Кирилл был замечательным мальчиком, моим счастьем, но в последнее время характер у него испортился, он стал капризным и замкнутым, мог огрызнуться или упрямиться, начались проблемы в школе: он задирал мальчишек, отнимал портфели у девочек.

Наверное, каждая мать не верит своим ушам, слыша жалобы учителей или других родителей, старается найти оправдание ребенку. Я была исключением из правил, твердо зная, что поведение сына отражает ситуацию в нашей семье.

Отчуждение, отторжение и даже враждебность.

Он еще не знает, что папе нет до него никакого дела, ведь он ему по сути никто, чужой человек…

Кирюша буркнул, что устал и пойдет поиграть в комнату Сони в компьютер, и убежал на всех парах. Проигнорировал мою просьбу, но хоть не нагрубил.

Конечно, нужно было пойти за ним, убедить вернуться и прибраться, но, с другой стороны, никто же нас не видит, никто не станет свидетелем беспорядка. У меня не было сил сейчас воспитывать ребенка. Не успела я мысленно оправдать свое бездействие, как услышала шум за окном.

Дом Суворовых располагался в отдалении от главной дороги, за поворотом, поэтому подъехавший автомобиль точно не мог завернуть сюда случайно.

Выглянув в окно, я надеялась увидеть возвратившихся хозяев дома. Предполагала, что они что-то забыли или дороги замело. Но в ворота медленно вкатился не их большой внедорожник, а низкая черная машина.

Спортивная, дорогая, с огромными литыми дисками и хищными фарами. Тонированные стекла закрывали от меня пассажиров. Глухие басы долетали прямо через окно, которое дребезжало от вибрации. Представляю, как оглушительно звучит музыка в салоне.

У водителя явно имелся ключ от ворот, а значит, и от дома.

И тут я спохватилась! Кто бы это ни был, он войдет во входную дверь и откроет ее своим ключом!

Войдет и обнаружит страшный бардак на кухне и меня в разобранном виде – в любимой плюшевой пижаме. Голубой, уже выцветшей от стирок, с белыми звездами. Домашние угги, небрежно завязанный на макушке пучок с детской розовой резинкой. Свои я вечно теряла. Ноль косметики.

Бледная моль.

Забегав по кухне, я скидывала в мусорку обрезки прямо руками, торопливо подмела пол и выскочила в холл посмотреть, кто к нам пожаловал. Сердце барабанило в груди от волнения, я чувствовала, что нежданный визит не сулит ничего хорошего. Когда Кирюша выбежал на звуки, случилась немая сцена. Сначала в двери показалась крайне эффектная блондинка.

Вошла и замерла на месте, будто в ступор впала. Она смотрела только на моего Кирюшу, тонкие ноздри трепетали, руки комкали шикарную сумку, губы беззвучно шевелились. Следом вошел… отец моего ребенка, в недоумении глядя на нас, будто смотрел и не понимал, что видит.

– Несмешная шутка, Черкасов! – фыркнула дамочка, взмахнув длинными безупречными волосами, обратила царственный взор на меня: – Тоже будете ребенка своего пытаться пристроить?

– Вы кто и что здесь делаете? – спросила я несколько грубо, испугавшись странной фразы девушки. Пристраивать? Что она имеет в виду?

Черкасов? Он тоже явился сюда?!

Во все глаза я смотрела, как из-за спины незнакомки появляется мужчина из моего прошлого. Я не успела и слова произнести, всё происходило молниеносно.

– Ничего! – ответила мне блондинка. – Ничего мы тут делать не будем! Я ухожу! Это была последняя капля! – взвизгнула манерная белобрысая красотка и вылетела наружу.

– Никуда не уезжайте, я скоро вернусь, – попросил меня Гриша, на которого мне было так больно смотреть, что закололо в груди.

Почему он приехал сюда со своей девушкой? А это была именно она. Ему под стать – красивая, яркая, богатая.

Но почему она так взбесилась? Что за недоразумение и зачем мне ждать Черкасова?

Я прижалась носом к окну, провожая взглядом несущуюся к машине девушку. До меня отчетливо доносились ее истеричные вопросы:

– Это твой сын? Почему он так похож на тебя? Как ты мог, Черкасов?

Глава 8. «Подарочек» под елку

Лиза

Какое-то время я стояла оглушенная, тупо пялясь вслед отъезжающей машине. В ушах отчетливо раздавались фразы, вылетевшие изо рта капризной дамочки. Испуг мешал соображать и принимать адекватные решения, но явственно чувствовалось приближение катастрофы.

– Мам, а кто это? Что за дядя с тетей? Почему она разозлилась? Зачем они приехали? – атаковал меня сынок недоуменными вопросами, подбежав ко мне и теребя за руку, потому что понимал гораздо меньше моего.

У меня же в голове набатом билась мысль: бежать! Нужно уехать отсюда, пока Черкасов не вернулся и не начал выяснять, рассматривая моего сына с пристальным вниманием и выискивая схожесть!

– Сынок, произошло недоразумение, дядя и тетя приехали в гости к тете Тае и дяде Максиму, а их не оказалось дома, – стала я объяснять невпопад, и Кирюшка нахмурился, сразу же разгадав обман.

– Но они даже не спросили, кто есть дома, побыли минутку – и уехали. И тетя разозлилась! Я точно видел. Может быть, они хотели тоже погостить тут, а мы им помешали? – продолжал беспокоиться ребенок, явно не желая из-за других людей срываться с насиженного места и менять свои планы.

– Да, малыш, наверное, они хотели погостить, но не переживай, тетя на тебя не разозлилась, ты же такой хороший мальчик и ничего плохого не сделал. С чего бы ей сердиться? – уговаривала я сына, присев на корточки и поглаживая его по волосам.

Теряла драгоценное время, но как не успокаивать разволновавшегося ребенка? Он очень испугался, не понимая, в чем его вина. А возможно, дело было в том, что его часто ругали в школе, и он уже стал дерганый и нервный.

Прижав Кирюшу к себе, я почувствовала, что он трясется, и поняла, что мы никуда не поедем! У Черкасова есть ключ, поэтому бесполезно запираться, значит, поговорить придется, но он объяснится и уедет, а мы останемся, как и планировалось, на эти два дня до Нового года.

– А пошли смотреть, как там наша жаба-пицца? – улыбнулась я, отвлекая сына, на что он среагировал мгновенно.

– Точно! Пицца! А она не сгорела? Уже так сильно пахнет! – и рванул в кухню, хватаясь за полотенце и собираясь открыть духовку.

– Подожди, торопыга, – предостерегла я его, аккуратно удерживая от горячей духовки, – открывать любую выпечку нужно не спеша, я тебе уже говорила, вспомни. Итак, что там у нас? – спросила я саму себя преувеличенно радостным голосом и нажала на кнопку подсветки духовки.

Румяная пицца, то есть довольно-таки забавная толстая жаба с выпученными глазами, судя по виду, была практически готова, поэтому я выключила газ, поставила чайник и привлекла сына к уборке кухни.

– Сейчас накроем на стол и сядем есть пиццу. Возможно, вернется дядя Гриша, это хороший друг тети Таи и дяди Максима, – осторожно объясняла я ребенку, чувствуя неправильность ситуации.

Рассказываю сыну про его настоящего отца, как будто он чужой человек. По сути, так и есть. Я позаботилась, чтобы эти двое никак не пересекались. Смирилась, что на праздновании Нового года это случится впервые за семь лет, но надеялась, что среди двадцати человек Гриша Черкасов не заметит одного маленького мальчика, так похожего на него…

Или же в глубине души надеялась на обратное, почему и согласилась на уговоры Таи?..

Думать об этом сейчас не хотелось, я столько о Черкасове передумала, когда была беременной, и по итогу размышлений приняла твердое решение, что он не будет присутствовать в жизни моего сына.

До сих пор боялась смотреть ему в глаза, вспоминая, как после волшебной ночи, полной страсти и огня, он исчез из номера гостиницы, куда привез меня, опьяненную его вниманием.

Исчез и оставил позорную плату за ночь. Как проститутке. Оценив мою любовь в жалкие сто евро. Даже записки не написал, не вернулся, не искал встреч, ничего не передавал через Таю…

На свадьбу Суворовых заявился с очередной моделью, второй раз разбив мне сердце. А я и не думала, что от него что-то еще осталось!

Потом, узнав о беременности, я решила не сообщать ничего Черкасову. Что бы он сделал? Уж точно не позвал бы под венец, скорее, предложил бы мне денег на аборт, поставив в еще более унизительное положение…

Нет, я всё сделала правильно, жалеть не имела смысла, вот только я не представляла, что скажу ему, когда он вернется.

– Смотри, мам! – позвал меня сын, вырывая из тяжелых дум. – Прикольно получилось?

На глаза навернулись слезы, когда Кирюшка показал фото пиццы, на которую в какой-то программе старательно наклеил забавные стикеры и приписал сообщение: «Папа, мы с мамой печем пиццу и скучаем по тебе! Приезжай скорее!»

Я хотела накраситься, чтобы чувствовать себя уверенной при разговоре с Гришей, но передумала. Гиблое дело, я всё равно постоянно плачу, только тушь размажется и буду выглядеть как панда.

Мы наконец прибрались на кухне и уселись за стол, положив себе по куску пиццы и разлив по чашкам чай. Кирюшка наворачивал лакомство, параллельно болтая обо всем и ни о чем и смотря одним глазом мультик, я же гипнотизировала взглядом ворота, ждала, пока они медленно откроются, пропуская внутрь черную машину.

Когда это случилось, у меня кусок пиццы застрял в горле и я закашлялась. Сынок сразу подбежал и похлопал мне по спине, упрекая:

– Мама, не торопись, жуй хорошо.

В этот момент он явно повторял мои же слова, и назидательная интонация его голоса вызвала невольную улыбку. От умиления и одновременно от страха я крепко-крепко обняла сына, как будто его у меня сейчас заберут, прямо вот немедленно, а потом отстранила от себя и попросила:

– Давай ты пойдешь в комнату поиграть, а я пока объясню дяде Грише, что нас тетя Тая пустила погостить только вдвоем? И он уедет. Что скажешь?

– Хорошо, но ты обязательно узнай, почему тетя так разозлилась.

Кирюшка убежал вприпрыжку, и я медленно встала, стряхивая с себя крошки и растирая лицо в попытке придать бледным щекам цвет и убрать возможные следы пищи.

Вышла в холл и уставилась на дверь, ожидая, что Черкасов вломится, открыв ее своим ключом. Но раздался мелодичный звон, оповещающий, что он решил для разнообразия соблюсти приличия.

Отщелкнув замок, я сразу же отошла в сторону, а он, оказавшись недопустимо близко, прошел внутрь и остановился, глядя на меня. От волнения я не могла смотреть ему в глаза и стояла как на иголках, не зная, куда деть руки.

Черкасов, такой высокий и красивый, распространял холод, придя с улицы, и я даже поежилась от контраста температур, обняла себя руками.

– Я… – начала робко, убирая прядку волос за ухо. – Я не ожидала, что кто-то придет. Привет.

– Привет, – ответил он коротко, ища глазами Кирюшу. – Наверное, я что-то не так понял. Макс не смог взять трубку, за него ответила Тая, но не предупредила, что дома кто-то будет. Странная ситуация, – нахмурился он, начиная раздеваться, стянул короткую дубленку, скинул ботинки, оказавшись в облегающей серой водолазке и синих потертых джинсах.

Действия Черкасова привели меня в ступор, а его слова совсем сбили с толку. Зачем Тая сказала, что никого не будет дома? Что она задумала? Неужели подруга меня решила подставить и свести с Черкасовым? Вот это «подарочек»…

– Ты не уходишь? – уставилась я на него в изумлении. – Но я думала…

– Выгонишь меня на мороз, Лиза? – подмигнул мне этот наглец и мигом пошел на запах выпечки. – Я страшно голоден. Угостите?

Глава 9. Метель

Лиза

Ситуация казалась донельзя абсурдной. Или попросту сном, горячечным бредом романтичной влюбленной дурочки. Предмет моего воздыхания в расслабленной позе сидел за столом и вроде бы никуда не собирался уходить.

По крайней мере, пока не удовлетворит голод.

В сущности, между мной и Черкасовым случилась одна-единственная ночь. Чего тут стесняться? Забыто, перечеркнуто, пережито.

Надо постараться вести себя естественно. Но только почему-то – наверное, из-за неожиданности его вторжения и проблем в личной жизни – из рук всё валилось и я даже не могла налить в чашку чай, не разлив его.

– У тебя всё в порядке? – раздался за моей спиной приятный хрипловатый баритон, и я дернулась и уронила ложку на пол. Раздражающее звяканье ударило по натянутым нервам. Вот растяпа безрукая…

Черкасов слишком внезапно оказался рядом. Потянулись мы за ложкой одновременно и стукнулись лбами в наклоне. Удар оказался несильный, но приятного тоже было мало. Череда нелепостей продолжалась.

Я чувствовала себя неловкой неумехой. Мы потерли лбы одновременно, глядя друг на друга. За прошедшие семь лет Черкасов заматерел, стал еще более мужественным, серьезным, но в карих глубоких глазах по-прежнему плясали озорные чертенята. И я до сих пор ощущала слабость в коленках в его присутствии.

– Садись, я сам справлюсь, – мягко скомандовал он, растянув губы в ободряющей улыбке. Красивые, полные губы в обрамлении легкой щетины, которая придавала ему небрежности.

Меня передернуло от злости на саму себя из-за того, что не могу расслабиться и разговаривать с ним непринужденно.

В конце концов, мне уже не двадцать!

Но я была рада возможности отойти на расстояние от Гриши. Оказалось, за долгие годы я не избавилась от чувств к нему: злость, обида, влечение… Я точно не была равнодушной, в отличие от него.

Сидя за большим столом с нарядной скатертью со снеговиками, я беззастенчиво скользила взглядом по стройной мужской фигуре, пока он стоял ко мне спиной. Черкасову можно было напророчить расплату за разгульный, ночной образ жизни, но ничего в нем не показывало, что он злоупотребляет спиртным или чем-то похуже.

Здоровый сильный мужчина в расцвете лет – и девушки у него всегда соответствующие статусу. Богатые, шикарные, идеальные. Не то что я…

– Ты не ответила, – не отставал Черкасов, ловко переместившись с двумя кружками за стол и идя за третьей. – Что у вас произошло?

– У нас? У нас всё в порядке, – пожала я плечами, косясь на край стола, где дымилась кружка чая для моего сына. – Кирюша уже поел и играет в своей комнате, – слишком поспешно объяснила я, прячась за большой белой кружкой с выпуклыми узорами в виде снежинок. Их приятно было теребить руками в попытке успокоиться.

Черкасов окинул меня цепким взглядом, как будто видел насквозь, и отпил несколько глотков.

– Есть особая причина, по которой ты прячешь от меня ребенка? И почему вы вообще живете у Суворовых?

– Не думаю, что ты имеешь какое-то право спрашивать, – передернула я плечами, наблюдая, как Гриша пытается подступиться к жабе из теста, как будто решает, что ей в первую очередь отрезать.

– Забавная зверушка, – усмехнулся он, лукаво взглянув на меня. – Грубить необязательно, Лиза. Я просто спросил. Мы же не враги? Можем общаться как старые знакомые, которые вместе будут отмечать Новый год в компании друзей?

– Мы не вместе! – возразила я, и мне самой голос показался немного истеричным. – Но так вышло, что я пообещала сыну веселый праздник, и свое обещание я сдержу.

«Даже если придется видеть тебя», – проговорила я про себя и уставилась в окно, где вовсю валил снег.

– Я не намерен никому портить праздник, – тихо произнес он, вгрызаясь ровными белыми зубами в кусок пиццы. – Очень вкусно. Сами пекли?

– Да. Спасибо, – машинально приняла я комплимент, вздыхая.

– Мне вообще всё равно, будете ли вы там или нет со своей девушкой, – заявила я, решив, что много чести показывать Черкасову, что он меня как-то волнует.

– Вот и славно, – коварно улыбнулся он, и я поняла, что совершенно не обманула его своим показным равнодушием.

– Мама, мама! Ты видела, какой снежище?! – с радостным криком в кухню внезапно вбежал сынок и понесся в сторону окна, взгромоздившись на табуретку. Прилип носом к стеклу и смотрел с восторгом на большие хлопья, стремящиеся спрятать под собой всё окружающее пространство. Мир становился абсолютно белым.

– Кирюш, поздоровайся с дядей Гришей, невежливо не говорить «здравствуйте», когда приходят в гости, – пожурила я сына, подбегая и подхватывая его, чтобы не упал.

Сынок же боролся за самостоятельность и логику, мягко оттолкнув меня и заявив:

– Но он и та тетя тоже не поздоровались! Пришли и сразу ушли! А тетя сильно разозлилась. И вообще, мы сами гости. Мам, мам, мы пойдем лепить снеговика? – затеребил он меня за одежду, а я смущенно перевела взгляд на Гришу. Черкасов ухом не повел от бесцеремонности моего сына и только улыбался.

– Шах и мат, Лиза. Ребенок полностью прав. Ну давай как гость с гостем поздороваемся, парень, – встал он, протягивая руку Кирюше. – И извини, что напугали вас с мамой. Просто не ожидали никого тут увидеть.

С колотящимся сердцем я наблюдала, как отец и сын жмут друг другу руку. Большая сильная мужская рука обхватила маленькую ладошку. От похожести Черкасова и Кирилла я пораженно замерла.

Не заметить сходства было невозможно, и я только смотрела и удивлялась, что мне удалось так долго скрывать тайну.

– Давайте, – ответил Кирюша, восхищенно улыбаясь. – А это ваша машина? Такая крутая… Дадите порулить?

Глава 10. Снеговик и ЧП

Гриша

Пацан действительно казался похожим на меня. Если приглядываться. Мне бы и в голову не пришло этого сделать, если бы не истерика Виталины, которую она устроила, пулей вылетев из дома Суворовых.

Оказывается, она всегда подозревала, что у меня где-то на стороне есть дети. Дети! Не один, а несколько. Вот прямо многодетный отец – и только! Бык-осеменитель я, что ли, по ее мнению!

Облила меня помоями и выскочила из машины у дома подруги. В ее квартире шел ремонт, в мою заявилась еще одна мамаша с ребенком, очередная прохиндейка, прослышавшая, что Черкасовского наследника ждут миллионы, фабрики, заводы и пароходы.

И эту девицу я тоже не знал, в глаза не видел, как и Стеллу, ей тоже дал от ворот поворот и даже не заикнулся про тест ДНК. Сразу было ясно, что это развод.

Но Виталина взбеленилась, ведь мы только-только обсудили планы на будущее и решили, что стать семьей не так уж и плохо.

Она устраивала меня больше других, не идеал, но где ж его сейчас найдешь? Да и я не подарок – ночная работа, эгоист, привык жить один, рассчитывать только себя. Закоренелый холостяк, который не совсем понимает, зачем менять что-то в жизни, если и так всё устраивает.

Но тут сыграл свою роль случай. Идти на поводу отца я не собирался, его требование немедленно родить наследника по-прежнему не воспринимал всерьез.

Но есть у нас один ушлый родственничек, седьмая вода на киселе, Игорёк Лимонов, папин крестник, который вот уже много лет пытается добраться до кресла генерального директора концерна и числится на какой-то номинальной должности с пафосным названием, но нулевым наполнением.

Отец просто не хочет обижать мать Игорька, хорошую женщину и волею обстоятельств вдову.

Так вот Лимон, эта собака сутулая, прознала про нашу громкую ссору с отцом и протянула свои загребущие лапы к Юльке, а эта наивная душа повелась и на свидание с ним пошла, ни сном ни духом не догадываясь, что Лимон окучивает ее ради наследства.

Запостила сториз в инстаграм из ресторана, так я этих голубков и обнаружил, сразу обо всем и догадался. Чуть пена от злости изо рта не пошла.

Увижу Игорька – начищу наглую морду.

Родить ребенка, только чтобы опередить Лимонова? Не скажу, что этот мотив не имел никакой роли. Взыграло чувство соперничества и жажда справедливости. Чтобы ушлому Игорьку достались миллионы нашей семьи и он вдобавок Юльке голову дурил? Не дождется.

В общем, Виталина оказалась готовой к новому этапу, я особенно не был против в корне изменить свою жизнь, и всё это накрылось медным тазом, когда мы

приехали к Суворовым, чтобы в их оставленном на праздники доме найти убежище.

И вот теперь кареглазый мальчуган задает вполне себе невинный вопрос, а его мама даже не позволяет мне открыть рот.

– Кирюша, это невежливо, к тому же дядя Гриша сейчас уезжает.

И так на меня сурово посмотрела, что я только из чувства упрямства решил остаться.

– Да запросто, – подмигнул мальцу и не удержался от того, чтобы не потрепать его по макушке. Прикосновение к детским волосам казалось очень непривычным. – И порулим, и снеговика слепим, если снег подходящий будет.

– Ура-а-а! – завопил Кирюха и понесся куда-то. Я с улыбкой смотрел ему вслед.

– Надо было у меня сначала спросить, – зашипела его мама, глядя волком.

– Он мне вопрос задал, и я ответил. Мужской разговор, – забавлялся я, смотря на девушку, похожую на злого растрепанного ежика.

– Я его мама, он еще маленький, – не унималась Лиза.

– Сколько ему? – задал я вопрос, который внезапно ее заткнул. Она как будто вся сдулась, сникла и отвернулась в сторону.

– Ему семь, в школу пошел в сентябре, – прошелестела она тихо, едва разжимая бледные губы.

И именно ее реакция заставила меня задуматься. Произвести подсчеты. Напрячь память. Неужели Кирюха – мой? Да ну. Даже предположить такое будет идиотством, а уж озвучивать – тем более. Просто Виталина со своей паранойей увела мои мысли в неверном направлении.

– Ну вот, – кивнул я Лизе в ответ, увидев в ее широко открытых испуганных глазах замешательство, – в семь лет парень имеет право решать, что ему

делать.

– Погуляем – и ты уедешь, ясно? Мы планировали провести два дня до Нового года в этом доме, а ты, судя по всему, хотел побыть со своей девушкой. Вот к ней и поезжай! – выдала Лиза и быстро выскочила из кухни.

Я допил остывший чай и выглянул в окно. В такую погоду, как говорится, собаку на улицу злой хозяин не выгонит, а меня отправляют в дорогу.

Непонятно почему, но уезжать не хотелось. И я сам себе не мог объяснить, что меня держит в доме с совершенно чужим ребенком и его негостеприимной мамой, с которой нас связывает всего лишь одна короткая ночь.

– Дядя Гриша, а почему ты без шапки? – серьезно спросил малой, закутанный мамой так, что только курносый нос торчал. Похож был на маленького пингвина, перекатывающегося по льду.

– А нечему отмерзать, мозгов нет, – пошутил я, вызвав смешок у Кирюхи и неодобрительный кашель от его мамы, стоящей с руками в карманах длинного голубого пуховика с мехом и белой шапке с помпоном.

Куксилась себе в сторонке, пока мы с Кирюхой бегали по придомовой территории и пинали снег. Снежком в нее, что ли, кинуть?

– Дядя, ты смешной, – рассмеялся пацан и подбежал к маме: – А где нам снеговика лепить?

– Может, вы сначала порулите, а потом слепите? А то намокнете и салон испортите, – зудела Лиза, под чьим строгим взглядом я чувствовал себя местным хулиганом, которого застукали за очередной выходкой.

– Не переживай, мы сами разберемся. Хочешь, в дом иди.

– Нет, я останусь, – Лиза надулась и втянула голову в плечи.

– Лучше подвигайся, станет теплее, – посоветовал я ей, но она лишь помотала головой. Но всё же сходила в дом за морковкой и банкой маслин, когда мы

долепили нашего снеговика и ему понадобились глаза, нос и рот.

– Круто! – воскликнул Кирюха, когда его мама завершила украшение снежной головы и надела перчатки. – Мам, я хочу для папы фотографию сделать.

Он убежал в дом за телефоном, а Лиза поежилась и стала ковырять ботинком снег.

– Где его отец? – задал я вопрос, осознав, что не заметил у нее на пальце обручального кольца. Что бы это значило?

Лиза вскинула на меня колючий взгляд и ответила слишком резко:

– В командировке!

– Вы всегда гостите у кого-то, когда твой муж уезжает в командировки?

– Что это за вопрос? – нахмурилась Лиза, отчетливо покраснев.

– Обычный. Муж в командировке, а вы зачем-то живете у Суворовых, а не дома. У вас там тараканов травят?

– Именно так. Как ты угадал? Видимо, у тебя их тоже травят, раз ты со своей девушкой приехал сегодня сюда ночевать.

– А тебя это как-то волнует? – поддел я вредную колючку, неожиданно ощутив прилив странного удовольствия. Лиза казалась мне раньше самой обычной, невзрачной девушкой, ничего особенного из себя не представляющей. Не эффектная, не яркая, не супермодель. Простушка. Но с возрастом в ней что-то изменилось. Либо изменилось во мне.

Я тянулся к ее простоте и естественности, к милой красоте, ее ершистость цепляла. Ее хотелось растормошить и развеселить.

Но в первую очередь мне хотелось выяснить ее тайны.

– Меня? – меж тем ерепенилась Лиза, делая круглые глаза. – Нисколько! Кирюша! – вдруг закричала она и бросилась к мальчику.

Я повернул голову и увидел только, как пацан заваливается вперед, споткнувшись о последнюю ступеньку крыльца.

Со всего маху он упал лицом вниз, и мое сердце совершило дикий кульбит. Тут же забылись ссоры и перепалки, всё вылетело из головы. Лиза рыдала, умоляя Кирюху не шевелиться, он тихо скулил от боли.

Я же подбежал и начал его ощупывать. Лицо не разбито, голова тоже, по крайней мере, так мне показалось на первый взгляд. Определенно нужно было ехать в травмпункт. Шмякнулся он здорово. Скорее всего, что-то случилось с правой рукой, которая повисла как плеть.

– Лиза, давай быстро за документами, поедем в травму, – сказал я не терпящим возражений тоном.

Глава 11. Свидетельство о рождении

Лиза

– Перелома нет. Небольшой ушиб. Ничего критичного, мамочка. Не нервничайте. Мазь я выписал, втирайте два-три дня. Постельный режим не нужен, но давайте поспокойнее, молодой человек, – пожилой доктор с седыми усами передал рецепт Кирюшке, и тот, неуверенно на меня посмотрев, взял бумажку в руку после моего одобрительного кивка.

Только сейчас я смогла выдохнуть с облегчением, до этого казалось, что грудь сдавливает стальными тисками. Страх не отпускал с того момента, как мы поспешно сели в машину и двинулись в сторону травмпункта.

Я держала Кирюшку, стонущего от боли, Черкасов пробирался по заснеженной трассе, запруженной сигналящими автомобилями, дворники бесперебойно работали, сметая хлопья снега с лобового стекла…

Визит в обычный городской травмпункт чуть не начался со скандала. Гриша увидел толпу покалеченных людей в очереди, но даже не обратил на них внимания.

Рванул к кабинету, дернув за ручку и собираясь войти внутрь без приглашения.

Очередь чуть не взбунтовалась. Пришлось оттащить Черкасова в сторонку и объяснить, что ему тоже придется подождать, что он вроде тоже простой смертный и привилегий не положено. Ни за какие деньги.

А он попытался пихнуть их в регистратуре, ругался, убеждал меня ехать в частную клинику к его знакомому врачу. Едва сдержалась, чтобы не отправить его куда подальше, но если бы не он, то я не знаю, что бы я делала…

– Точно ничего больше не надо? – не унималась я. – Он так сильно упал вниз лицом. Может быть, сделать УЗИ мозга?

– Следите за его состоянием. Тошнота, рвота, головокружение, спутанность сознания, потеря аппетита, судороги… При этих симптомах стоит обратиться к врачу. Но я не вижу причин для беспокойства. Дети постоянно падают и отделываются легким испугом. В Новый год у нас стандартно аврал, – продолжал врач, дописывая в карточку нужные строчки, а потом уперся укоризненным взглядом в Гришу, примостившегося на хлипком стульчике сбоку: – Так что не надо тут устраивать скандалов, папаша. Люди по несколько часов ждут, вы еще быстро к нам попали.

– Он не папаша! – ляпнула я. Отчего-то мне показалось крайне важным влезть со своим замечанием.

Доктор оценивающе поглядел на Гришу и моего сына, и его седые брови взмыли вверх в удивлении. Комментировать он ничего не стал, но я почувствовала сильное смущение и досаду.

Вот зачем только привлекла внимание Черкасова? Я прямо-таки кожей ощутила его напряжение, которое растеклось удушающими волнами по маленькому кабинету.

Но он тоже не стал ничего говорить в присутствии доктора, поднялся с места, подхватил Кирюшу на руки, как уже делал, вынося ребенка из машины. И понес его из кабинета в коридор. У гардероба Кирюша решил проявить самостоятельность.

– Я сам оденусь, я взрослый, – спрыгнув на пол, заявил он нам, протянув мне руку в ожидании, что я выдам ему номерок от одежды.

– Нет, тебе нельзя, я помогу тебе одеться и дома буду следить, чтобы ты не активничал.

– Я не маленький! Я сам! – решил не к месту и некстати заупрямиться сын. Порой с ним было не сладить. Видимо, Черкасовские гены срабатывали, потому что подобных вздорных черт характера у меня не наблюдалось.

– Руку надо беречь, малой, а то как ты будешь хлопушки хлопать в Новый год? – Гриша присел на корточки и заглянул сыну в глаза.

Эта сцена разбивала мне сердце. Каждый раз, видя их рядом друг с другом, я сгорала от чувства вины и одновременно жутко боялась, что моя тайна раскроется.

В это время зазвонил телефон, и я уже не могла сбрасывать звонки от Таи, которая, очевидно, испугалась, что мы не берем трубку, и позвонила раз двадцать. Гриша кивнул мне, давая понять, что справится, и я отошла в сторонку.

– Лиза! Что у вас случилось?! Почему не берешь трубку?

– Тай, извини, – быстро объясняла я, глядя, как Гриша заботливо одевает сынишку, – Кирюшка бежал с крыльца и очень сильно упал…

Подруга заохала и запричитала, виня себя, что не предупредила меня посыпать ступеньки песком, и позвала Макса, чтобы ехал нас спасать.

– Не надо, Тай… Тут Черкасов. С нами в травмпункте, всё в порядке. Думаю, он отвезет нас обратно.

Повисла неловкая пауза, сказавшая мне многое. Не будь подруга замешана в визите Гриши в наш дом, она бы обязательно удивилась, откуда он оказался рядом с нами. Но Тая не могла этого сделать – ведь она всё и подстроила!

– Тай, ты же специально не предупредила Черкасова, что мы в доме? – решила я быть честной и не ходить вокруг да около.

– Лиз… Ты прости… Я бы ни за что так не поступила, если бы у тебя всё было по-прежнему, но Константин тебя бросил, и я подумала…

– Тая, это нечестно… – надтреснутым голосом прошептала я. – За моей спиной… Ты могла сказать…

– Я говорила! Много раз говорила, Лиза! Ребенок должен знать отца. Я так долго берегла тайну ради сохранения твоей семьи, но сейчас хранить-то и нечего?

Больше всего мне хотелось бросить трубку, слушать откровения подруги было невыносимо. Слушать и одновременно признавать ее правоту. Я так привыкла прятаться от правды, что сейчас мне было очень больно, душу будто перемалывало в мясорубке.

Но я не представляла, как сказать правду Грише! Как признаться? Как потом смотреть в его глаза?! Тем временем подруга продолжала вещать на том конце провода:

– Приезжайте к нам пораньше, раз уж вы с Гришей оказались вместе. Мы сегодня вечером будем ставить елку.

– Нет, я всё еще хочу побыть одна, а Кирюшке нельзя активно работать рукой. Черкасов отвезет нас домой, а потом пусть едет куда хочет…

Кинув взгляд в сторону уже одетых Гриши и сына, я похолодела. В ожидании моего возвращения они занялись разглядыванием свидетельства о рождении! Вот большая мужская рука открыла красную книжку… Вот Черкасов вчитался в строки и нахмурился.

Сердце мгновенно провалилось куда-то вниз, когда наши взгляды встретились.

Он сжал зубы и выпрямился, ожидая, пока я на ватных ногах подойду к ним и под немигающим взором оденусь. Я шла за Черкасовым до машины едва дыша. Оказывается, я уже понимала его эмоции. Всегда такой улыбчивый, обаятельный, сейчас он явно злился, сдерживаясь ради ребенка. Продолжал он молчать и по дороге в дом Суворовых, врубив громко музыку и периодически встречаясь со мной взглядом через зеркало заднего вида.

Я боялась, тряслась, стискивала Кирюшку в объятиях и пыталась подобрать слова. Боже, что же я ему скажу в свое оправдание?!

Глава 12. Условия

Гриша

Гнев и смятение туманили разум. Ни черта не было понятно! Пацан мой? Невозможно! Как такое уложить в голове? Но я видел своими глазами прочерк в графе «отец» в чертовом свидетельстве о рождении. Видел дату, когда родился Кирилл. А считать я умею.

Как так вышло, что у мальчика нет отца, а у Лизы есть муж? Что за бардак у них творится в семье и почему меня это так, мать его, волнует?

Ехал обратно из травмпункта и старался сдержаться ради ребенка. Уже странным образом понимал, что нужно его оградить от разборок взрослых. Берег. Непривычное чувство. Новое. И это не такая забота, как о сестре или девушке.

Совсем иное. Более глубокое и сильное. Отчего внутри всё сжималось и было трудно вдыхать кислород. Жалость просыпалась к этому мальчику, у которого отобрали возможность знать настоящего отца. А меня лишили собственного ребенка!

За что? Почему? Какими причинами руководствовалась Лиза?

Я никогда не мечтал о детях, они меня не умиляли, оставляли равнодушным. Отпрыски друзей во время наших встреч мельтешили там себе на заднем фоне, не отсвечивали. Что-то мне счастливые папаши про них взахлеб рассказывали, делились успехами, я же пропускал всю эту галиматью мимо ушей. Тогда как они носились с детьми, как курица с яйцом.

Не понимал такого, мне это было чуждо и странно.

Если бы не дурацкое требование моего старика, я бы и не задумался о том, что в моей жизни чего-то не хватает. А кто, вообще, в здравом уме задумывается? Как это происходит?

Сел такой и думаешь: «А не обзавестись ли мне парочкой детишек? И довеском проблем в придачу. Ага».

Но с Кирюхой всё сразу было иначе. Не так как с чужими детьми. Он не мешался под ногами, как другие, мне он оказался интересен. Впервые в жизни левый мальчонка обратил на себя мое внимание надолго. С ним не хотелось расставаться.

Белая муть заволокла трассу, мы намертво встали в пробку среди трех рядов машин. Веселенький канун Нового года, что ни говори.

Двое пассажиров на заднем сиденье притихли и не подавали признаков жизни. Малой уснул, утомившись от переживаний, а его мама с опаской посматривала на меня.

Говорить в присутствии ребенка пришлось тихо. Обменивались взглядами и произносили фразы вполголоса.

– Ты вообще собиралась мне сказать? Даже не смей отпираться, – велел я, увидев, как у Лизы забегали глаза и открылся рот. Она хотела соврать, нет сомнений, но я бы ей этого не позволил.

– Я… Нет, я не собиралась, – замогильным голосом призналась она, заставив меня стиснуть руль от злости. Мне нужно было видеть ее глаза – видеть близко. И я обернулся, пронзая ее взглядом, полным укора и непонимания.

– Ты считала меня недостойным называться отцом? Или ты так влюбилась в своего мужа, что готова была выдать нашего ребенка за его? – выплевывал я слова, понимая, что каждое ранит. Не волнует, пусть ей тоже будет больно.

«Наш ребенок» звучало адски непривычно. Видел по глазам, что и ей непросто давалось это словосочетание.

– Перестань, прошу…

– Ты не имеешь права просить. Ты даже не представляешь, что ты сделала. Неужели совсем не раскаиваешься? Неужели ни разу не подумала, что я должен знать?

– Не кричи, пожалуйста, ребенок спит, – умоляла она, крепче сжимая мальчонку. – Он испугается.

– Испугается чего? Всё равно придется ему сказать.

– Но не сейчас, потом…

– Когда «потом»? – наседал я на нее, не имея никакой возможности остановиться. Внутри всё бурлило и кипело, переливаясь через край. Хотел вынудить Лизу на откровения, на четкие слова правды.

– Когда он подрастет, – выдавила она из себя невнятно.

– Полная чушь. Нельзя к такому быть готовым, сколько бы лет тебе ни было. Ты делаешь только хуже, оттягивая этот момент. В любом случае решать теперь не одной тебе. А если ты заупрямишься, то мы будем разговаривать по-другому.

– Что это значит? – перепугалась Лиза, но меня уже несло.

Может, я не имел в виду в точности то, что говорил, но эффект произвел нужный.

– Я докопаюсь до сути, досконально узнаю, почему ты скрыла от меня ребенка, и, если решу, что ты – неподходящая мать, заберу его у тебя.

– Ты не можешь, не можешь… – запричитала Лиза, вызывая у меня лишь еще больший гнев. Чтобы не заорать, я нажал на газ. Дорога наконец была свободна.

Мы доехали до дома друзей в полном молчании. И когда она попыталась выбраться из машины, я перехватил у нее из рук спящего мальчика, который сонно забормотал, и понес внутрь.

Нести его и осознавать, что это не просто ребенок, а мой сын, было невероятно странным ощущением. В груди до боли сжималось сердце, а в висках бахал пульс.

Малой так доверчиво ко мне прижимался, что я едва не размяк, готовый ради сохранения его спокойствия простить его мать, но спустя несколько минут взял себя в руки и стал рассуждать здраво.

Она не желала ему добра, когда лишила настоящего отца. Она – плохая мать. Если я заберу Кирюху себе, ему будет только лучше.

***

Лиза

Я едва справилась с собой, чтобы не разрыдаться прямо в машине. Когда Гриша перехватил Кирюшку и понес в дом, чуть не побежала за ним с желанием отобрать ребенка.

Это мой ребенок! Только мой! До боли было обидно и стыдно видеть прочерк в графе «отца» в документе. Выслушивать упреки родителей, терпеть косые взгляды врачей и окружающих. Костя не захотел усыновлять ребенка. Вернее, он вроде и не был против, но и ярого желания не проявлял.

За семь лет так и не изъявил желания оформить отцовство. Я радовалась и тому, что он относится к Кирюше как к сыну, и не требовала большего.

Всё же бумажки – лишь бумажки. Старалась быть выше этого, не думать и не обижаться на мужа. Мне же с ним повезло…

Так я считала раньше, теперь же с ужасом представляла, что будет с нами.

– Я сам его уложу, – проговорил твердо этот упрямец, вцепившийся в моего ребенка как клещ.

Не отпускал, не давал приблизиться, будто, увидев этот роковой прочерк, тут же присвоил себе сына.

Я пыталась долгие годы представить этот момент истины, но даже не думала, что будет так страшно и больно.

Я не задумывалась, насколько могущественен Гриша и его семья, насколько они богаты и облечены властью.

В голову даже не закрадывалась мысль, что он захочет забрать ребенка. Зачем ему сын? Господи, да это же полный сюр! Черкасов – заботливый папаша? Да не смешите меня!

– Ты не знаешь, как его уложить, ты не…

– Ему что, два года? Я разберусь, – оборвал ее на полуслове.

Он ушел, а я понеслась в ванную, чтобы попытаться привести себя в порядок, умыться, согреть заледеневшие от нервов руки под теплой водой. Терла их друг о друга, а потом поливала лицо холодной водой, чтобы остудить горящие щеки.

Руки были холодными, а вот щеки пылали. Меня лихорадило и подбрасывало от каждого звука.

Чтобы справиться с нервами, я пошла на кухню и раздобыла пару пакетиков ароматного травяного чая. Заварила один и села ждать Гришу. Не смела заходить в спальню, хотя сдержать порыв было очень трудно.

Наконец отец моего ребенка появился в дверном проеме кухни. Нахмуренные брови и руки, сложенные на груди, не предвещали ничего хорошего. Он даже не проходил внутрь, буравил меня взглядом, подперев плечом косяк.

– Итак, давай еще раз по пунктам. Тест делать не нужно? Это мой ребенок? Даты совпадают, – припечатывал он каждой фразой, будто забивал гвозди.

– Он твой, – ответила я коротко, дрожа всем телом.

– Почему ты скрыла отцовство? – задал он следующий вопрос, и я сжалась, вцепившись в край стола руками. Отвечать не хотелось, но под проницательным немигающим взглядом врать не было возможности.

– Посчитала, что ребенок тебе не будет нужен. От случайной связи – тем более.

Говорить эту фразу по-прежнему оказалось больно. Только я не понимала, отчего до сих пор испытываю обиду и боль, хотя прошли годы. Когда же меня отпустит?

– Ты могла спросить. Ты обязана была спросить. Ты хоть понимаешь, что приняла решение за ребенка? Никто не имеет права решать за другого человека.

– Я – мать! Я имею, – дрогнувшим голосом настаивала я, опустив плечи от обрушившейся на них правды. Со словами Черкасова сложно было спорить. Но я же хотела как лучше… Правда хотела… Разве можно меня винить?

– Точно так же, как я – отец, – сказал он глухо и оторвался от косяка, шагнув ко мне.

От этого движения кожу закололи иголочки страха, я сглотнула и уставилась на его внушительную фигуру. То и дело накатывали непрошеные воспоминания о нашей совместной ночи, они всё еще имели надо мной власть.

Но, кажется, у Гриши я вызывала лишь неприязнь. Он смотрел на меня так, словно хочет стереть в порошок.

– Что ты будешь делать? Когда собираешься ему рассказать? – несмело спросила я, не сводя с него взгляда.

– Мальчик заслуживает нормального праздника… – проговорил он медленно, будто ведя сам с собой внутренний диалог. – Поэтому я подожду. Но не надейся,

что мои намерения изменятся или я уеду. Я теперь всегда буду рядом со своим сыном.

Глава 13. Откровения

Лиза

Отсрочку. Я получила всего лишь короткую отсрочку, прежде чем еще один мужчина окончательно разрушит мою жизнь. Довершит то, что начал Костя.

В темных глазах Черкасова я видела железную решимость. А мне хотелось вскочить с места и закричать ему прямо в лицо о своей боли, о своих обидах, потребовать убраться из нашей с Кирюшкой жизни!

– Ты поняла меня? – продолжал давить Черкасов, стоя над душой. – На время праздника оставим всё как есть. Но сразу после – будем разбираться.

– Что тут непонятного? Ты уже всё решил – за меня, за Кирюшку, – не удержалась я от колкости и поднялась с места, собираясь пойти спать. Оставаться рядом с Черкасовым не видела никакой возможности.

От его присутствия я чувствовала себя беспомощной и растерянной. В груди болело от настоятельной потребности расплакаться. Но не при нем, только не при нем.

– Я тебя не отпускал, – поймал он меня за предплечье, крепко сжимая пальцы, стискивая и притягивая ближе к себе. Подтянул, как котенка за шкирку.

Меня обдало вкусным ароматом его парфюма, который не изменился за годы и сейчас перенес в прошлое. Смесь горьких и свежих цитрусовых ноток в сочетании с исключительным ароматом именно его тела. Голова кругом пошла.

– Отпусти, – я резко выдернула руку, но Черкасов ловко поддел мою талию и прижал меня к себе. Выбил воздух из легких, заставив оцепенеть. Пошевелиться не могла, только со страхом на него глядела, упираясь руками в мощную

грудную клетку.

– Постой, я еще не всё сказал, – проговорил он медленно, скользя взглядом по моему лицу. Ощутимо. Как будто пальцами касался кожи.

Я вздрогнула, когда он прижал меня теснее к своему телу и мягко подтолкнул к столу. Уперлась задом в столешницу и оказалась припертой к ней. Зачем он это делает? Почему не отпускает?

– Я не могу, Гриша, не могу, – пролепетала я честно, ощущая, что язык еле ворочается во рту, а губы немеют. Он слишком сильно на меня действовал, буквально лишал возможности дышать!

– До того как я узнал правду, – продолжал он, не обращая внимания на мой жалкий лепет, – ты мне даже нравилась.

– Нравилась? – встрепенулась я, злость кольнула в сердце и оживила. От злости оттолкнула его, но он и с места не сдвинулся. – Когда я тебе нравилась? Тогда, когда приехал со своей девушкой сюда или когда чаем поила?

– Что не так? – выгнул он бровь, придвигаясь ближе и расставляя руки по бокам от меня. Прочный капкан – не сбежишь.

И горячий. Я чувствовала жар, исходящий от мужского тела, и это крайне сбивало с толку.

– А то, что ты семь лет на меня внимания не обращал, а теперь вдруг о каких-то чувствах говоришь! Зачем? Ты отец, я не отрицаю. И только. Давай договариваться о совместной опеке, не нужно мне тут распинаться о каких-то там чувствах!

– И только? – на полных губах заиграла усмешка. – А ты хотела, чтобы я на тебя внимание обратил? За эти семь лет?

– С чего ты взял?

– С того, что ты вообще завела разговор о чувствах, о семи годах каких-то… – рассуждал он, раня своим насмешливым тоном. Снова унижал, заставляя меня осознавать свою глупость.

– Ты не так понял, – я пошла на попятную, старательно отпихивая Гришу от себя. – Мы не так поняли друг друга…

– Так давай понимать, Лиза, давай пытаться, нам теперь до конца жизни быть связанными… И прекрати дергаться! – приказал он не терпящим возражений тоном, фиксируя мой подбородок пятерней. – Смотри на меня и нормально говори.

– Не могу я нормально с тобой разговаривать, когда ты меня тискаешь! – взорвалась я, всё же вырываясь из крепкого захвата и отходя на безопасное расстояние. Дыхание никак не хотело приходить в норму, я словно взбиралась на гору, а не просто разговаривала.

– Хорошо, не буду, раз тебя это так нервирует, – кивнул он, складывая руки на груди и опираясь на столешницу позади себя. – Тут у нас, значит, собака зарыта?

– Какая такая собака? – не поняла я, нахмурив брови и с опаской глядя на Гришу. Как назло, в доме было так тихо, что я слышала малейший шорох. Как шуршат его джинсы, когда он чуть шевелится, как он тяжело вздыхает, как размыкаются его губы перед каждой фразой.

Еще несколько секунд, и натянутая во мне пружина лопнет и я заверещу от дикого напряжения… Ни один человек в мире так не действовал на меня, как Гриша Черкасов.

– Мое невнимание к тебе послужило причиной того, что ты скрыла ребенка. Решила, что раз ты мне не нужна, то и ребенок твой – тоже.

Сглотнув, я приняла горькую пилюлю, которую он так беззастенчиво мне вручил. Что уж, дурочкой наивной была – ею и остаюсь. Сколько раз еще он должен повторить, что я ему без-раз-лич-на?

«Не мучай меня, прошу, уйди», – плакало мое сердце навзрыд, да только кто бы его услышал…

– Семь лет назад я решила, что ребенок тебе не нужен. Мы не общались, ты не искал встреч, ты жил так, как будто ничего не случилось, – рассказывала я – и вроде как нейтральными словами, а всё равно в каждом звучала нотка обиды.

Черкасов заметил, не мог не заметить. В проницательности ему не откажешь, тем более он так внимательно на меня смотрел. Тяжелый вздох снова сорвался с его губ и растворился в воздухе, звенящем от напряжения.

– Может быть, ты ждешь от меня извинений, Лиза, я не знаю, но мне не за что извиняться, – сказал он четко и без обиняков, и я порадовалась, что сумела взять себя в руки и не дернуться от очередной нанесенной им обиды. Он прав, несомненно, он прав.

– Конечно, я и не прошу у тебя извинений, – рассмеялась я надтреснуто и нарочито весело, – не за что, ничего такого не произошло.

– Я был пьян, плохо помню события той ночи, – глухой голос пробрал меня до мурашек, а скорее – очередное упоминание нашего ночного рандеву.

Вот только я помнила каждое мгновение, будто это всё случилось вчера. Нервно переступила с ноги на ногу и потерла руки друг о друга.

– Нечего там вспоминать, – пожала плечами, – что было, то было.

– Правда? А мне так не кажется, – прозвучало совсем рядом, и Гриша очутился очень близко, изучая мое лицо. Губы… Но, к счастью, не касаясь. Иначе я бы сейчас упала на месте. – Одно я помню отлично – что был у тебя первым. Такое не случается просто так. Почему ты выбрала меня, Лиза?

Глава 14. Застарелые обиды

Лиза

Отчаянно хотелось уколоть его в ответ. Нанести ровно столько же обиды, сколько он нанес мне. Но проблема заключалась в том, что его равнодушие никак бы не поколебалось. Ничуть. Это он привык собирать вокруг себя поклонниц, и я была одной из них. И у меня бы не получилось чем-то его задеть.

Черкасов четко разгадал и причину моего волнения, и то, что отдала самое ценное не просто так. Отдала ему – желая этого.

Но догадки – одно, а слова – совсем другое. Словами можно изменить всё. Я хотела укрыться ими как броней, спрятаться за спасительной ложью. Только бы найти те самые…

– Выбрала? Какое пафосное определение для обычного перепихона. Я точно так же, как и ты, провела несколько приятных часов. Не придавай этому так много значения, Гриша, – склонив голову, малозначительным тоном подчеркнула свою фразу и пожала плечами.

Черкасов какое-то время на меня смотрел. Сканировал взглядом цвета кофе. Очень внимательно. Будто хотел услышать что-то еще, но я сцепила зубы и молчала.

– Видимо, ты решила пойти во все тяжкие после той ночи, раз прыгнула в койку к какому-то мужику, чтобы потом выдать чужого ребенка за его, – ядовито улыбнулся он, в очередное раз оскорбив.

Вот как ему удается выводить меня на самые низменные эмоции? Полоскать в грязи, унижении и чувстве собственной ничтожности? С другой стороны, что я хотела? Сама себя унизила, он лишь поддержал общий тон беседы.

– Не делай обо мне выводы по себе, это ты у нас знатный поскакун по койкам, – вскинула голову и злобно прищурила глаза. Буду защищаться до победного.

– А тебе, я вижу, всё никак не дают покоя мои поскакушки по чужим койкам. Предпочла бы, чтобы я подзадержался в твоей? – этот наглец поднес руку к моему лицу и несильно щелкнул меня по носу. Озорная улыбка заиграла на губах, а взгляд заблестел лукавством.

– Не льсти себе, Черкасов, – фыркнула я, закатывая глаза к потолку. – Я забыла о тебе на следующий же день.

– Не перебарщивай, Лиза, ты совершенно не умеешь врать, – он мгновенно меня раскусил, наглой усмешкой отвечая на мой выпад. – Ты не из таких девушек, которые спят с каждым встречным. Прошло семь лет, но я помню, как ты смотрела на меня на том благотворительном вечере, я твой взгляд на себе постоянно чувствовал, поэтому и подошел, пригласил на танец. Ты в моих руках таяла, на всё была готова, ну а я в те времена ни в чем себе не отказывал.

– Зачем ты это говоришь? Зачем вспоминаешь? Я не прошу тебя объяснять, как и что случилось. Я там была, не забывай, – напомнила я, сглотнув вязкий ком в горле. Мучительные горькие воспоминания преследовали и не отпускали.

Рваное платье… Холодная постель… Мятая купюра на прикроватной тумбочке… Такие вещи способны превратить в грязь даже самую лучшую ночь, полную страсти. Он растоптал мои чувства, сам того не понимая. И пошел дальше не оглядываясь.

– Если бы я знал, если бы я знал… – пробормотал Черкасов, заходив по кухне. Он отчего-то занервничал и стал ерошить волосы рукой. Я с удивлением следила за его перемещениями. И вздрогнула, когда он остановился и посмотрел мне прямо в глаза:

– Я вспоминаю, чтобы восстановить последовательность событий. Чтобы понять, почему ты лишила меня семи лет общения с моим ребенком. Обиделась? Влюбилась в своего мужа? – в голосе прорезались стальные нотки.

– Мне не на что было обижаться, – тихо произнесла я, – я просто строила свою жизнь вне зависимости от того, что происходит с тобой. Забеременела, а потом влюбилась и вышла замуж. Костя принял сына как своего.

– Суворовы знают? – вдруг спросил он, и я не видела смысла скрывать.

– Тая знает, но она всегда говорила, что я должна рассказать тебе.

– Ладно, надо с этим переспать, – решил он за нас двоих, и от неожиданного окончания беседы я тупо застыла, хлопая ресницами.

– Тогда до завтра? – нерешительно спросила я, готовясь проводить Черкасова, но он уходить не собирался, двигаясь не в сторону входной двери, а в гостевую спальню на втором этаже.

На том же этаже располагалась детская. Только в другом конце коридора. Мы так долго были порознь, что присутствие в том же доме, даже на расстоянии в несколько комнат, лишало меня равновесия.

– Гриша, подожди, – догнала я его уже на лестнице, шагающего по ступеням широким решительным шагом. – Тебе лучше уехать, – зашептала, смотря вверх на высокую мужскую фигуру.

– Куда мне ехать? На ночь глядя, когда всё замело. Я останусь тут. Утром, если рука у Кирюхи будет в порядке, поедем на дачу к Суворовым.

– Ты не должен оставаться в этом доме, вместе с нами. Что я скажу сыну? Это неприемлемо. Он не поймет, я не смогу объяснить.

– Перестань дергаться, ты перенервничала, устала. Ложись спать, завтра мы во всём разберемся. С утра я ненадолго уеду, а потом вернусь. Не волнуйся, Лиз, я не собираюсь ошарашивать и пугать собственного ребенка, но и из вашей жизни никуда не денусь. И, в отличие от тебя, я посоветуюсь с тобой по поводу того, как рассказать ему обо мне.

Глава 15. Соперница

Лиза

Практически всю ночь я не спала. Муторные, неясные, разрозненные сны будоражили измученное сознание. Успокоиться не вышло. Даже спящий рядом Кирюшка не подарил мне чувство защищенности. Я ощущала себя голой перед толпой, с нацеленными на меня укоряющими взглядами.

Не смогла расслабиться. Не тогда, когда на расстоянии в несколько комнат в доме находился Черкасов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nevinnaya_yana/bludnyy-papa-dlya-sorvanca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити